

Антон Павлович Чехов

Рассказ госпожи NN

Антон Павлович Чехов
Рассказ госпожи NN

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176140

Антон Павлович Чехов

Рассказ госпожи NN

Лет девять назад, как-то раз перед вечером, во время се-нокоса, я и Петр Сергеич, исправляющий должность судебного следователя, поехали верхом на станцию за письмами.

Погода была великолепная, но на обратном пути послышались раскаты грома, и мы увидели сердитую черную тучу, которая шла прямо на нас. Туча приближалась к нам, а мы к ней.

На ее фоне белели наш дом и церковь, серебрились высокие тополи. Пахло дождем и скошенным сеном. Мой спутник был в ударе. Он смеялся и говорил всякий вздор. Он говорил, что было бы недурно, если бы на пути нам вдруг встретился какой-нибудь средневековый замок с зубчатыми башнями, с мохом, с совами, чтобы мы спрятались туда от дождя и чтобы нас в конце концов убил гром...

Но вот по ржи и по овсяному полю пробежала первая волна, рванул ветер и в воздухе закружилась пыль. Петр Сергеич рассмеялся и пришпорил лошадь.

– Хорошо! – крикнул он. – Очень хорошо!

Я, зараженная его веселостью и от мысли, что сейчас промокну до костей и могу быть убита молнией, тоже стала смеяться.

Этот вихрь и быстрая езда, когда задыхаешься от ветра

и чувствуешь себя птицей, волнуют и щекочат грудь. Когда мы въехали в наш двор, ветра уже не было и крупные брызги дождя стучали по траве и по крышам. Около конюшни не было ни души.

Петр Сергеич сам разнуздал лошадей и повел их к стойлам. Ожидая, когда он кончит, я стояла у порога и смотрела на косые дождевые полосы; приторный, возбуждающий запах сена чувствовался здесь сильнее, чем в поле; от туч и дождя было сумеречно.

– Вот так удар! – сказал Петр Сергеич, подходя ко мне после одного очень сильного, раскатистого громового удара, когда, казалось, небо треснуло пополам. – Каково?

Он стоял рядом на пороге и тяжело дыша от быстрой езды, глядел на меня. Я заметила, что он любит меня.

– Наталья Владимировна, – сказал он, – я отдал бы всё, чтобы только подольше стоять так и глядеть на вас. Сегодня вы прекрасны.

Глаза его глядели восторженно и с мольбой, лицо было бледно, на бороде и усах блестели дождевые капли, которые тоже, казалось, с любовью глядели на меня.

– Я люблю вас, – сказал он. – Люблю и счастлив, что вижу вас. Я знаю, вы не можете быть моей женой, но ничего я не хочу, ничего мне не нужно, только знайте, что я люблю вас. Молчите, не отвечайте, не обращайтесь внимания, а только знайте, что вы мне дороги, и позвольте смотреть на вас.

Его восторг сообщился и мне. Я глядела на его вдохно-

венное лицо, слушала голос, который мешался с шумом дождя и, как очарованная, не могла шевельнуться.

Мне без конца хотелось глядеть на блестящие глаза и слушать.

– Вы молчите – и прекрасно! – сказал Петр Сергеич. – Продолжайте молчать.

Мне было хорошо. Я засмеялась от удовольствия и побежала под проливным дождем к дому; он тоже засмеялся и, подпрыгивая, побежал за мной.

Оба мы шумно, как дети, мокрые, запыхавшиеся, стуча по лестницам, влетели в комнаты. Отец и брат, не привыкшие видеть меня хохочущей и веселой, удивленно поглядели на меня и тоже стали смеяться.

Грозовые тучи ушли, гром умолк, а на бороде Петра Сергеича всё еще блестели дождевые капли. Весь вечер до ужина он пел, насвистывал, шумно играл с собакой, гоняясь за нею по комнатам, так что едва не сбил с ног человека с самоваром. А за ужином он много ел, говорил глупости и уверял, что когда зимою ешь свежие огурцы, то во рту пахнет весной.

Ложась спать, я зажгла свечу и отворила настежь свое окно, и неопределенное чувство овладело моей душой. Я вспомнила, что я свободна, здорова, знатна, богата, что меня любят, а главное, что я знатна и богата, – знатна и богата – как это хорошо, боже мой!.. Потом, пожимаясь в постели от легкого холода, который пробирался ко мне из сада вместе

с росой, я старалась понять, люблю я Петра Сергеича или нет... И не понявши ничего, уснула.

А когда утром увидала на своей постели дрожащие солнечные пятна и тени липовых ветвей, в моей памяти живо воскресло вчерашнее. Жизнь показалась мне богатой, разнообразной, полной прелести. Напевая, я быстро оделась и побежала в сад...

А потом что было? А потом – ничего. Зимой, когда мы жили в городе, Петр Сергеич изредка приезжал к нам. Деревенские знакомые очаровательны только в деревне и летом, в городе же и зимой они теряют половину своей прелести. Когда в городе поишь их чаем, то кажется, что на них чужие сюртуки и что они слишком долго мешают ложечкой свой чай. И в городе Петр Сергеич иногда говорил о любви, но выходило совсем не то, что в деревне. В городе мы сильнее чувствовали стену, которая была между нами: я знатна и богата, а он беден, он не дворянин даже, сын дьякона, он исправляющий должность судебного следователя и только; оба мы – я по молодости лет, а он бог знает почему – считали эту стену очень высокой и толстой, и он, бывая у нас в городе, натянуто улыбался и критиковал высший свет, и угрюмо молчал, когда при нем был кто-нибудь в гостинной. Нет такой стены, которой нельзя было бы пробить, но герои современного романа, насколько я их знаю, слишком робки, вялы, ленивы и мнительны, и слишком скоро мирятся с мыслью о том, что они неудачники, что личная жизнь обманула их;

вместо того чтобы бороться, они лишь критикуют, называя свет пошлым и забывая, что сама их критика мало-помалу переходит в пошлость.

Меня любили, счастье было близко и, казалось, жило со мной плечо о плечо; я жила припеваючи, не стараясь понять себя, не зная, чего я жду и чего хочу от жизни, а время шло и шло... Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплые ночи, пели соловьи, пахло сеном – и всё это, милое, изумительное по воспоминаниям, у меня, как у всех, проходило быстро, бесследно, не ценилось и исчезало, как туман... Где всё оно?

Умер отец, я постарела; всё что нравилось, ласкало, давало надежду – шум дождя, раскаты грома, мысли о счастье, разговоры о любви, – всё это стало одним воспоминанием, и я вижу впереди ровную, пустынную даль: на равнине ни одной живой души, а там на горизонте темно, страшно...

Вот звонок... Это пришел Петр Сергеич. Когда я зимою вижу деревья и вспоминаю, как они зеленели для меня летом, я шепчу:

– О, мои милые!

А когда я вижу людей, с которыми я провела свою весну, мне становится грустно, тепло, и я шепчу то же самое.

Его давно уже, по протекции моего отца, перевели в город. Он немножко постарел, немножко осунулся. Он давно уже перестал объясняться в любви, не говорит уже вздора, службы своей не любит, чем-то болен, в чем-то разочарован,

махнул на жизнь рукой и живет нехотя. Вот он сел у камина; молча глядит на огонь... Я, не зная, что сказать, спросила:

– Ну, что?

– Ничего... – ответил он.

И опять молчание. Красный свет от огня запрыгал по его печальному лицу.

Вспомнилось мне прошлое, и вдруг мои плечи задрожали, голова склонилась, и я горько заплакала. Мне стало невыносимо жаль самоё себя и этого человека и страстно захотелось того, что прошло и в чем теперь отказывает нам жизнь. И теперь уже я не думала о том, как я знатна и богата.

Я громко всхлипывала, сжимая себе виски, и бормотала:

– Боже мой, боже мой, погибла жизнь...

А он сидел, молчал и не сказал мне: «Не плачьте». Он понимал, что плакать нужно и что для этого наступило время. Я видела по его глазам, что ему жаль меня; и мне тоже было жаль его и досадно на этого робкого неудачника, который не сумел устроить ни моей жизни, ни своей.

Когда я провожала его, то он в передней, как мне показалось, нарочно долго надевал шубу. Раза два молча поцеловал мне руку и долго глядел мне в заплаканное лицо. Я думаю, что в это время вспоминал он грозу, дождевые полосы, наш смех, мое тогдашнее лицо. Ему хотелось сказать мне что-то, и он был бы рад сказать, но ничего не сказал, а только покачал головой и крепко пожал руку. Бог с ним!

Проводив его, я вернулась в кабинет и опять села на ковре

перед камином. Красные уголья подернулись пеплом и стали потухать. Мороз еще сердитее застучал в окно, и ветер запел о чем-то в каминной трубе.

Вошла горничная и, думая, что я уснула, окликнула меня...